

Сун Цинсюй выпался.

Матрасы на базе — от Чжан Чжияна, единые для всех. Не дешёвые, но и не вершина эргономики. Обычно — средне. Но этой ночью он спал замечательно.

Настолько, что когда вернувшийся с пробежки Тан Хуай его разбудил, Сун Цинсюй встал не с той ноги.

Он перевернулся к стене, зарылся лицом в одеяло и хрипло пробурчал:

— Не хочу есть. Хочу спать.

Тан Хуай чуть не рассмеялся — сдержался. Вытащил Сун Цинсюя из кокона, натянул на него футболку, надел носки, засунул ноги в тапочки — и полуведя-полунеся доставил в ванную.

Всю дорогу Сун Цинсюй был бескостным: висел на Тан Хуае и бубнил, какой тот жестокий.

Он же решил после весеннего сплита с ним поговорить. Тан Хуай что, не мог быть чуть поласковее? Не боится, что он передумает?

Когда в руке оказалась зубная щётка, Сун Цинсюй смирился и начал чистить зубы.

Тан Хуай стоял рядом и чистил тоже.

Электрические щётки — одной марки, обе чёрные. Режим — одинаковый.

В тесной ванной — два силуэта, плечо к плечу. Тихое, идентичное жужжание.

Тан Хуай посмотрел в зеркало, на их двоих — и ощутил давно забытое тепло.

Закончив, он глянул на Сун Цинсюя — просто хотел проверить, и забрать его щётку.

Но для Сун Цинсюя этот мягкий, обволакивающий взгляд нёс другой сигнал.

Раньше Тан Хуай казался ему заботливым. И красиво холодным, когда делал каменное лицо.

Теперь он понял: Тан Хуай — на самом деле — немного прилипчивый.

Он что, думает, что у них уже отношения? Они пока максимум — соседи по комнате. С чего это

ему смотреть так, будто ждёт утреннего поцелуя?

Хотя... они уже спали вместе. Сун Цинсуй отвёл глаза — совесть кольнула.

Ладно. В благодарность за хороший сон.

Он приподнялся на носках и коснулся губами уголка рта Тан Хуая.

Хотел отстраниться — но сильная рука обхватила его за талию и затянула в полноценные объятия. А потом — поцелуй: с мятным привкусом, глубокий, тщательный. И губы, и язык — обласканы до последнего миллиметра. Слюна, которая не помещалась, — стёрта подушечкой большого пальца.

Очень приятно. Если не считать того, что под конец он чуть не задохнулся.

Сун Цинсуй стоял ошалевший, не совсем понимая, как «пёрышко» превратилось в «метеорит». Потрогал онемевшие губы — зашипел от боли.

Посмотрел в зеркало. Нижняя губа — припухшая, прокушенная.

...Он что, собака?

После такого поцелуя хорошего лица Тан Хуаю не полагалось. Сун Цинсуй быстро умылся, свирепо зыркнул на него — и спустился завтракать.

Тан Хуай появился внизу только через полчаса.

Сун Цинсуй покосился на него, продолжил есть тётушкины вонтоны и спросил тренера:

— Что сегодня?

Шэнь Хуаньци только проснулся — отвечал жене: до плей-офф ему ещё долго не попасть домой.

— Сначала разбор. Вечером — пара карт с DAG.

DAG в этом году пришлось непросто: для гарантированного места в плей-офф им нужна ещё одна победа. Что само по себе говорило о равной силе в группе — иначе отрыв был бы мгновенным.

Как у WS и FTG.

Закончив с женой, Шэнь Хуаньци кинул всем ссылку — место проведения MSI этого года.

Снова Европа. Финальный выбор — между Лондоном и Берлином.

В Берлине уже был чемпионат мира, так что, вероятнее всего, — Лондон.

Тан Хуай принёс вонтоны и сел рядом с Сун Цинсюем. Свой телефон доставать не стал — просто наклонился и смотрел в экран Сун Цинсюя.

Сун Цинсуй молча подвинул телефон ему поближе.

Вэнь Лихуа, который досыпал последние минуты и боролся с подушкой, увидел эту сцену — и мгновенно проснулся. В голове всплыл ночной кадр.

Брат Сун и их AD — вместе?

В современном мире ни однополые отношения, ни роман внутри команды никого не удивляли. У соседей в FTG — точно такая же пара. По слухам, уже познакомились с семьями. Каждый межсезонник ездят вместе. Снимают влоги.

Вэнь Лихуа видел эти влоги. Он до сих пор не мог представить, что Чжоу И — этот отстранённый красавец — может быть настолько нежным со вспыльчивым лесником. Словно тому всё можно.

По аналогии: Тан Хуай примерно того же роста, что Шэнь Хэн. Значит, он — сверху.

А значит, Сун Цинсуй тоже будет баловать своего партнёра?

Вэнь Лихуа быстро заморгал. Картинка не складывалась.

Важнее другое: на базе, кажется, никто, кроме него, не знал. Сенсация без зрителей — Вэнь Лихуа готов был взорваться.

После завтрака Шэнь Хуаньци созвал всех в переговорную. Потёр лицо, сменил выражение на официальное — и включил запись прошлогоднего командного голоса.

[Сун Цинсуй, спокойно: «Их мидер сейчас пойдёт на топ. Лесник — ко мне.»

Не дожидаясь Цинь Чжэна, раздался другой — знакомый, неприятный — голос: «У меня на боте огромное преимущество. Цинь Чжэн, приходи — ганкнем AD. Я могу взять дабл.»

Вэнь Лихуа: «У меня оба скилла готовы.»

Цинь Чжэн: «Иду.»]

Запись кончилась. Лица — разные.

Сун Цинсюй понял, к чему ведёт Шэнь Хуаньци. Уголок рта дёрнулся — но не от радости. Скорее от любопытства: что заставило тренера наконец это сделать?

Тан Хуай вытащил из кармана конфету и тихо протянул Сун Цинсюю.

Трое остальных — в одинаковом замешательстве.

Му Ичэнь — самый зрелый — понял первым:

— Тренер хочет закрепить подчинение шотколлеру?

Шэнь Хуаньци кивнул и включил вторую запись — вчерашний матч.

[Сун Цинсюй: «Растягиваемся. Тан Хуай — ко мне. Их лесник хочет тебя вскрыть.»

Вэнь Лихуа: «У меня есть "Искупление", могу прикрыть AD.»

Тан Хуай: «Иду. Инициируй — я подстроюсь.»]

Шэнь Хуаньци постучал костяшкой по столу:

— Раньше я молчал, потому что считал: сыгранность — ваше дело. Не моё. И если бы вы не были по-настоящему едины, любые требования бесполезны.

— Но вчера я увидел: вы способны. Просто раньше вас уводил в сторону человек, который делал это намеренно. И вы не замечали.

— Раз так — мне пора вмешаться. Вы же не хотите проигрывать. Правда?

Он открыл видео к первой записи.

[Вражеский мидер, как и предсказал Сун Цинсюй, ушёл на топ. Цинь Чжэн с Чжоу Цзином и Вэнь Лихуа столкнулись на боте: неуклюжая инициация. Вэнь Лихуа потратил оба ключевых скилла, и в размене удалось забрать только вражеского саппорта.

Сун Цинсюй остался на миде. Снял два слоя пластин с вражеской башни, чуть поджал экономику мидера.]

Цинь Чжэн и Вэнь Лихуа побледнели. Переглянулись — и в глазах друг друга увидели одну и ту же растерянность.

Им никогда не приходило в голову, что тогдашнее решение, увиденное спустя время из «божественного ракурса», будет выглядеть так.

Вэнь Лихуа почти уткнулся лицом в колени. Голос — сухой, хриплый:

— Я не знал. Я не думал об этом. Я считал... что так — нормально.

Сун Цинсюй по-прежнему молчал. Он не знал, как в других клубах, — но в WS приказы шотколлера традиционно пропускали мимо ушей. Когда-то он и в соло-ранке не командовал — и выигрывал.

Потом пытался. Но каждый раз — сомнения, споры, задержки. Объяснять почему — утомительно.

К тому же сейчас его слушают. Тан Хуай — безоговорочно. И не просто выполняет — думает в том же направлении, дополняет, достигает полного тактического совпадения.

Этого достаточно. Если двойное ядро синхронизировано — этого достаточно.

Шэнь Хуаньци не стал развивать мораль. Включил вчерашний матч и дал вывод:

— Вчера вы слушали шотколлера. Поэтому и выиграли чисто. Впредь — слушайте всегда. Вопросы — после матча.

Покадровый разбор с наложенным командным голосом — впервые.

По ходу Шэнь Хуаньци щедро хвалил Сун Цинсюя — без повторов, каждый раз по-новому. Сун Цинсюю стало до того неловко, что он усилием воли заглушал комплименты, иначе сбежал бы.

Но постепенно он увидел: если каждое его решение выполняется сразу — итог кардинально другой.

Когда они действуют как одно целое, команда превращается в монолит. Противник может придумать обходной манёвр, но лобовой прорыв — невозможен.

Это значит: у них нет критической слабости.

А значит — можно мечтать о том, что в прошлом году не удалось.

Разбор закончился за семь. Выходя из переговорной, Сун Цинсюй был для команды чем-то вроде божества: Вэнь Лихуа и Цинь Чжэн шли по бокам, наперебой клянясь, что отныне — только по его команде, никакой самостоятельности.

Кое-как от них отвязавшись, Сун Цинсюй пошёл в сад — курить.

Сигарета была во рту, но он не затягивался. Просто смотрел, как она тлеет. Пепел рос, вот-вот упадёт на одежду — и чья-то рука подхватила его.

Тан Хуай вынул сигарету, сделал две последние затяжки, загасил и сел рядом — загораживая от ветра.

— О чём тревожишься?

Сун Цинсюй не собирался скрывать — просто не знал, как сформулировать. Прислонился к нему:

— Ни о чём. Скоро пройдёт.

— Угу.

Тан Хуай не принял отговорку. Для него у Сун Цинсюя не бывало мелочей.

Он попробовал мыслить, как Сун Цинсюй:

— Ты боишься... что нам не повезёт? Проиграем плей-офф, не попадём на MSI? Или вылетим в группе?

Сун Цинсюй широко распахнул глаза. Откуда он знает?! У Тан Хуая что — глист в его мозгу?!

Вывод был верным, только детали — чуть мимо.

— Я не привязываю результат к удаче. Я верю в нашу силу.

— Тогда в чём, по-твоему, тебе может не повезти?

Сун Цинсюй невинно помотал головой:

— Не знаю.

Ветер шевелил его чёлку. В открывшихся глазах — снова растерянность. Тан Хуаю стало больно.

Он наклонился и мягко поцеловал Сун Цинсюя в лоб.

— Тебе будет везти. Всегда.

Сун Цинсюй рассмеялся — но понимал, что так не бывает:

— Кому может везти вечно? Мир всё-таки справедлив.

Тан Хуай не стал спорить. Обнял его, и они вместе смотрели на беззвёздное небо.

Что-то блеснуло. Сун Цинсюй повернулся — ничего.

В доме.

Вэнь Лихуа стоял у окна. Голос в трубке что-то говорил, но он не слышал — голова была забита кадром: Тан Хуай целует Сун Цинсюя в лоб. Он клянётся, что просто вышел повесить бельё на балконе, а не подглядывал.

— Ты вообще слушаешь?! — возмутился голос.

— Я... занят. Перезвоню потом.

— У тебя сейчас большое давление? Устал?

Вэнь Лихуа подумал о плей-офф:

— Нормально. Привык.

Повесил трубку. Покрутился по коридору.

И постучал в дверь к топ-лейнеру.

Нет. Больше не может. Ему нужно кому-нибудь рассказать!!!!

<http://bllate.org/book/18105/1736444>